

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ АВТОРЕФЕРАТЫ

А. Н. БЕРНШТАМ

АРАВАНСКИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И ДАВАНЬСКАЯ (ФЕРГАНСКАЯ) СТОЛИЦА ЭРШИ

Во время работ Тяньшано-Алайской археологической экспедиции летом 1946 г. нам удалось осмотреть известные в литературе¹, но еще ни разу не изданные наскальные изображения у сел. Араван в 25 км к северо-западу от г. Ош Киргизской ССР. Две группы композиций расположены на юго-западной стене невысокой скалы, стоящей на правом берегу р. Араван, рядом с шоссе, идущим из г. Ош в г. Фергану. Время испортило изображения, но не настолько, чтобы не разобраться в основном сюжете. В исследовании этих изображений мы особенно обязаны сотруднику экспедиции С. С. Сорокину, добравшемуся до них и сделавшему прекрасные графические и акварельные зарисовки.

Верхний рисунок расположен на высоте, примерно 15—16 м от подошвы скалы на камне размером 2 × 2 м (рис. 1). Он состоит из изображения двух лошадей, исполненных твердым (металлическим?) инструментом; им мастер выбивал патины скалы мелкими точками (т. е. частыми ударами), соединением которых образовало плоскость изображения. Этот рисунок, как ясно стало из обследования на месте, более поздний, чем первоначально прорисованная композиция на той же площадке — изображение людей и горных козлов. Метрах в трех ниже снова повторено на плите 1,30 × 0,70 м в меньших масштабах изображение двух лошадей, выполненных в той же технике, что и предыдущая пара. Стилистические особенности изображений столь отличны от обычных наскальных изображений Тяньшаня и окружающих районов и в то же время столь типичны для определенного круга изображений за пределами указанной территории, что не смогли не привлечь нас к специальному рассмотрению этих композиций, выполненных явно незаурядным мастером.

Более древняя группа изображений находится на верхней плоскости. Здесь изображены три архара (h — 16—17 см), идущие влево, под ними — две человеческие фигуры (h — 17—19 см). У левой фигуры руки расставлены в стороны от туловища, у рядом стоящей правая рука поднята вверх, левая уперта в бок. Рядом с ними у ног — неизвестные крупные предметы и слева прямоугольное оверганье какого-то предмета. Ниже в левом крае — фигура человека, изображенного в профиль, голова обращена направо. Его левая рука поднята и упирается в лоб, правая — в бедро; у его ног изображение собаки, перед ним четыре кружка (?). Далее следует изображение козла (оленя?) с запрокинутыми назад рогами, трактованными в типично скифском стиле²; перед козлом (оленем?) опять изображение собаки. Заканчивают композицию три человеческие фигуры, одна под другой. Верхняя (в профиль?) стоит с расставленными в стороны руками. Фигура заключена в изображение в виде ворот, на левой стороне которых имеется как бы изображение сосуда. Две нижние фигуры стоят в одинаковых позах: левая рука поднята вверх и упирается в лоб, правая упирается в бедро.

Техника нанесения рисунка (точечная) и стилистические особенности: слабый контур тела животного — схематизированный, но без окончательной утраты реалистической основы, трактовка рогов козла (оленя) — дают все основания связывать его

¹ Протоколы ТКЛД за 1898 г.: М. Массон, *Заключительный отчет* археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, Краткие сообщения ИИМК, VI, Л., 1940.

² На такую трактовку уже обращал внимание М. Массон. (См. Краткие сообщения ИИМК, VI, стр. 53).

с сакским кругом памятников этого района, прежде всего с изображением козлов на скифского типа котле, найденном в 1940 г. на строительстве Большого Ферганского канала³. Аналогичные изображения имеются и в ущелье Чимташ в Таласской долине, где они были нами осмотрены в 1938 г.; они также датируются находкой скифского типа котла, ныне хранящегося в Эрмитаже. Скифское время этой композиции, в свете приведенных данных, для нас несомненно. Сложнее обстоит дело с семантикой изображения. Сцена, несомненно, культовая. Люди исполняют какой-то культовый танец. Они не вооружены, это не сцены охоты, известные нам по изображениям, например с Кугарта на Ферганском хребте, в свое время зарисованным

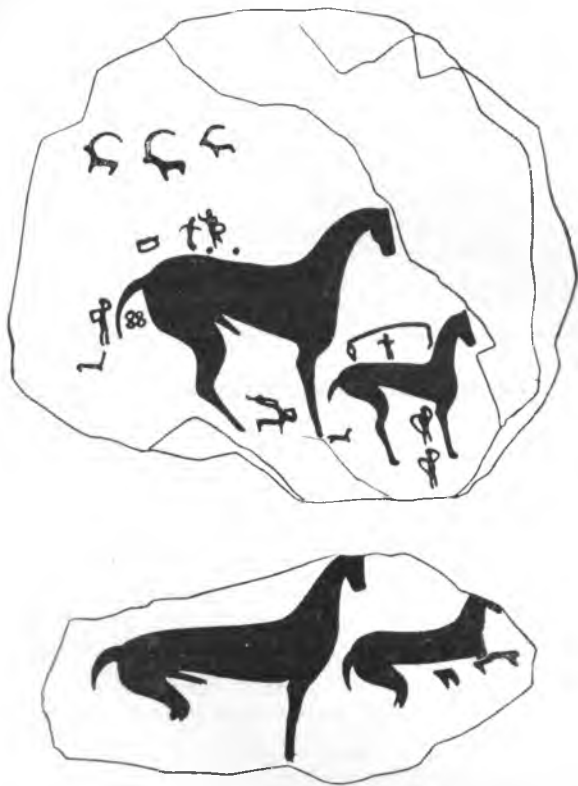

Рис. 1. Изображение древних ферганских коней на скале у селения Араван

Н. Хлудовым и И. Пославским⁴, ныне изученным Б. М. Зимма⁵. Животные, здесь изображенные, — не предмет охоты, а символы благополучия, скорее всего эмблемы солярного культа. Это участники ритуала, к которым, быть может, обращены эти культовые танцы. Так надо понимать роль козлов в наскальных изображениях Тяньшаня и прилегающих районов как кульново-магических посредников человека с солнцем. Подобно тому как в этой функции изображение оленя и лося выступает на севере и северо-востоке Азии, в центральноазиатском круге тотемов, от Монголии до Средней Азии, ведущее значение имеет изображение козла и архара. Это не столько тотемный, сколько солярно-космический образ, особенно четко вскрываемый в одном из изображений в Саймалы-таш, где козлы шествуют среди изображений солнечных дисков. Очевидно, что на Араванской скале и были изображены эти культовые сцены, связанные с почитанием солнца. Вспомним, что, по свидетельству Геродота, кочевники Средней Азии массагеты «чтут только солнце, которому приносят

³ М. Массон, Указ. раб.—Изображение опубликовано М. Массоном в газ. «Пионер Востока», № 91, 1939.

⁴ Н. Г. Хлудов. Перевал «Саймалы тас», на котором найдены камни с надписями. Протоколы ТКЛА, VII, Ташкент, 1902, стр. 40—43; И. Пославский, По поводу заметки Н. Г. Хлудова,— см. там же, стр. 44—48; см. его же, Из поездки на Саймалы-Таш, Протоколы ТКЛА, VIII, Ташкент, 1903, стр. 75—83.

⁵ Материалы, собранные Б. Зимма во время поездки на перевалы Ферганского хребта летом 1946 г. С фотографиями меня ознакомил Б. Зимма, которому я выражаю свою глубокую благодарность за эту любезность.

в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное»⁶. Если для степняков «наибуднейшим» считается лошадь, то всякому бывавшему в горах не приходится доказывать то положение, что «наибуднейшими» и недоступными в горных условиях являются козлы и больше всего архары, изображаемые повсеместно, в том числе и на Араванской скале.

Совершенно в иной технике и манере исполнены здесь и нижеупомянутые две пары лошадей. Композиции повторяют друг друга. Жеребец помещен слева и почти вполнину больше стоящего впереди него изображения кобылицы. Размеры верхнего и нижнего изображений почти одинаковы. Жеребец верхней композиции имеет $1,10 \times 1,05$ м, кобылица $0,52 \times 0,61$ м. На нижней плите размеры жеребца $1 \times 0,70$ м и кобылицы $0,50 \times 0,50$ м. Изображение лошадей крайне типично и стилистически весьма индивидуально. Маленькая сухая голова посажена на плавно изогнутой «лебединой» шее. Тело поджарое, ноги сухие, нервные, утончающиеся книзу. Круп сильный, все тело напряженное, что подчеркивается слегка приподнятым и отставленным от крупа хвостом. Напряженность, явно выступающая во всем экстерьере, связана не только с предкоитусным состоянием пары, это чувствуется и в изображении кобылицы, наряженной в более спокойном состоянии. Это общая характеристика лошади, а не только ее состояния в определенный момент. Подтверждается настоящее заключение аналогиями. Характерные черты экстерьера мы можем найти в ряде иконографических материалов Центральной Азии от Шандуна до Хорезма; как например, в изображении лошадей на нонн-улинских тканях⁷ и в шандунских барельефах II—I вв. до н. э., прекрасно изданных и описанных Э. Шаванном⁸, в изображении лошадей на деревянных дощечках из Хотана VI—VIII вв. в издании Стайна⁹, в изображении лошади на шите с горы Муг, также VII—VIII вв.¹⁰, в хорезмийских всадниках¹¹ на монетах вплоть до VIII в. Этот тип лошади мы бы связали с кушанским кругом, отличным от лошадей Монголии и Переднего Востока. Напомню, как отличаются от него изображения лошадей, например на стелле Тайцзуна VII в. н. э.¹² или скульптура лошадей в многочисленных китайских статуэтках всадников Танского времени¹³. Отличны изображения переднеазиатских лошадей с хеттами, проникшие в Малую Азию¹⁴ и получившие затем широкое распространение в Европе. Быть может, только в ранних изображениях лошадей античного искусства проскальзывают экстерьеры, сходные с нашими изображениями¹⁵, но ко времени последних, т. е. всего вероятнее к III—II вв. до н. э., на Переднем Востоке, не говоря уже о Европе, преобладает иная порода, более тяжелая. Разбираемые изображения фиксируют нам, очевидно, местную породу лошадей — ферганскую, которая высоко ценилась на Востоке и прежде всего в Китае, но это была далеко не единственная порода лошадей, распространенная в этих областях¹⁶. Впрочем, этот вопрос выходит за пределы наших интересов в данной статье и может составить самостоятельный сюжет исследования.

⁶ Геродот, История, I, 215.

⁷ К. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, табл. 39—40.

⁸ Ed. Chavannes, Mission archéologique dans la Chine Septentrionale, Paris, 1909, ч. I, см. табл. XIX, ср. также XXIV, XLI, XLIV и др.

⁹ A. Stein, Ancient Chotan, т. II.

¹⁰ А. Якубовский, Культура и искусство Средней Азии, Л., 1940, стр. 25, см. рис. на стр. 27.

¹¹ С. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, 4/5, 1938; ср. Краткие сообщения ИИМК, I.

¹² См., например, в сводке: Osvald Sirén, La Sculpture de l'époque Han à l'époque Ming, Paris—Bruxelles, 1930, табл. 93.

¹³ См. Osvald Sirén, Chinese Sculpture from the fifth to the fourteenth Century, London, 1925.

¹⁴ Ср. гипотезу W. Leonardt'a, Hettiter und Amazonen, Leipzig, 1911.—О ней в статье А. Захарова, Хеттский вопрос, «Новый Восток», № 1, стр. 251.

¹⁵ См. последнюю доступную нам монографию: S. D. Markman, The Horse in Greek Art, The Johns Hopkins University Studies in Archaeology, № 35, Baltimore, 1943; ср. например, рис. 25, 32 и другие.

¹⁶ Укажу на одну из последних известных нам статей по этому вопросу W. Eberhard: «Çin kaynaklarına göre Orta Asyadaki at einsleri ve beygir yetiştirme hakkında malûmat. Ülkü, Bir Tesrin, 1940 İki Tesrin. 1940 («Сведения китайских источников относительно вида лошадей и выращивания их в Средней Азии»). Об этом авторе см. нашу рецензию в журн. «Вопросы истории», № 7, 1946. Явно вторым центром разведения аналогичных даванским породам лошадей был район Тохаристана и сопредельных областей Гудо (Хуттал), Гэшми (Кашмир), Шинья (Чаганнан). Сюань Цзан отмечает область Тяньма в Шумае (ср. Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux, СПб., 1903, стр. 196 и 276). Однако, в свете китайских источников, эти центры более поздние (VI—VIII вв.), чем даваньский, что может свидетельствовать о распространении ферганской породы лошадей и ее разведении в других районах. Быть может, это связано с распространением в этих районах тюрков.

Сцены с изображением лошадей, так же как и предшествующий по времени сюжет на верхней плите, явно культового содержания. Этот сюжет посвящен идее размножения лошадей, одним из центров которого являлся, вероятно, окружающий район Фергана в целом являлся местом разведения этой высокоценной породы, и первые сведения о них нам сообщают китайцы. Сообщения эти широко известны, и нам остается их только напомнить. Китайцы отмечают, по сообщению Чжан Цянья,

что в Давани: «Много шаньма — добрых лошадей» (善馬). Они имеют кровавый

пот и происходят от породы тяньма — «небесных лошадей» (天馬)¹⁷. В другом ме-

сте подчеркивается, что даваньцы разводят траву му-су (目宿), которую любят ло-

шад Давани¹⁸. Траву му-су — это люперна, которая была вывезена, как и виноград, в Китай¹⁹. Ханьшу не приводит новых деталей и лишь редактирует версию Ши-цзи²⁰. Важно отметить, что комментатор Цяньханьшу, по имени Мэнцзюй, приводит любопытную легенду в качестве комментария. Текст следующий: «Во владении Таюань имеются высокие горы (гао-шань). На этих горах имеются лошади, которых невоз-

можно поймать. Выбирают пятишерстных (у-сэ 五色 т. е. пестрых) кобылиц

и пускают их к подошве гор для случки с (горными). От этих кобылиц рождаются жеребята с кровавым потом. Поэтому (их) называют потомством небесных лоша-

дей (天馬子)²¹.

Приведенный комментарий Мэнцзюй'я исключительно интересен в свете изображений на Араванской скале. Совершенно очевидно, что место для нанесения культового рисунка, воспроизводящего идею размножения лошадей ферганской породы, выбрано не случайно. Рисунок нанесен на скалу, издавна обожествляемую и носящую символы горных владык — архаров и теке. Здесь оказались тесно переплетенными: солярный культ, восходящий к сакскому периоду, с культово-магическим рисунком более поздней, очевидно раннекушанской поры Давани. Известно, как тесно переплетен солярный культ, культ солнца — силы, определяющей всю жизнь человека и его окружения, с культово-магической ролью изображения солнца и его символами. Этот культ был знаком и художникам, нарисовавшим эти две пары лошадей, несомненно сопрягавшим сюжет своего рисунка с бытующим в его среде почитанием горных владык — архаров, герр. — важнейших компонентов солярного культа.

Характерно, что эта преемственность сохранилась и в мусульманский период. Изображения, которые мы анализировали, были почитаемы и мусульманами. Родник, вытекавший у подножья скалы, также почитался окружающим населением. Здесь был выстроен мавзолей, ныне разобранный до основания. У подножья скалы мы обнаружили фрагменты керамики от эпохи Давани до XIX в., а все кусты и понье увешаны лоскутками материи. О почитании мусульманами этого урочища отмечалось в литературе. «В селении Араване, в 25 верстах от горы Оша, есть скала, на которой нарисована лошадь с жеребенком, под скалой ключ и мазарька Дульдуйлата. По легенде, в этом месте Алий привязывал свою лошадь, когда отправлялся на битву

¹⁷ Ши-цзи, 123, л. 3-а.

¹⁸ Ши-цзи, 123, л. 14-а.

¹⁹ В. Laufer, Sino Iranica, Chicago, 1919, стр. 208 и сл. — В. Laufer возводит му-су к древнеиран. buso, сарькольскому wux — трава. Hirth связывает ее с тюркским bigca k. Laufer считает возможным связывать ее с тюркским термином, обозначающим сею из люцерны, bida, bedä, но последнее возводит (вслед за Томашеком) к персидскому beda.

²⁰ Цяньханьшу, гл. 96-а, л. 17-б.

²¹ Цяньханьшу, гл. 96-а, л. 17-б — 18-а. Ср. кит. текст «Мэнцзюй юе: янь Таюань го ю гаошань, ци шан ю ю ма бу кэдэ, иньчюй усэ мума чжи ци ся, юй цзи шэн цзюй цзе хань сюэ инь, хаюе тяньма цзы юнь». Сходная легенда приведена в Суйских анналах в отношении лошадей Тохаристана и повторена в Цзю Таншу: «На севере есть гора Поли. На южной (стороне) пещера, внутри (которой) имеется божественный конь (шэньма). Жители пригоняют на пастбище (к горе) кобылиц, от которых рождаются жеребята, потеющие кровью» (Бэй ю Поли шань. Ци ян сюэ. чжун ю шэнь ма. Гожэнь ю муинь, юй цзе шэн цзюй чжэ ханьсюэ), Цзю Таншу, т. 210-б, л. 5-б.

с дивом-сафит (белый див), жившим в пещере, находящейся также близ Аравана, называемой Чиль-устун (40 столбов)»²².

Из сказанного следует, что араванские наскальные изображения документируют интереснейший цикл религиозных представлений древних народов сако-кушанского времени, переосмысленных и мусульманской идеологией. Они документируют также одно из мест культа даваньской лошади и, быть может, один из важнейших центров ее разведения. Последнее заставило нас обратиться к более тщательному анализу китайских текстов, где имеются упоминания об этих лошадях. Анализ текста привел к совершенно неожиданным результатам. Он позволил прежде всего связать место происхождения этих лошадей с городом Эрши — политическим центром древней Ферганы и поставить вопрос о местоположении этого города. Мы не можем себе отказать в анализе китайского источника того же повествования о Давани, о городе Эрши.

Больше всего славился в Фергане своими лошадьми город Эрши. Текст Чжан Цзяня прямо сообщает: «Сообщено [было китайскому императору, что] [Да] Юань

имеет шаньма, находящихся в городе Эрши (貳師城), [но], скрывая, не дают их

ханьскому [китайскому] послу»²³. Китайский император (Вуди) направляет посольство Че-Лина с богатыми подарками для приобретения лошадей и именно из местности Эрши. В числе даров послы везут много серебра и золотого коня. Однако даваньские старейшины после совещания отказались дать лошадей, надеясь, что китайская армия не сможет дойти до этих мест. Они эршинских лошадей прямо называют «драгоценными лошадьми Давани» (Эрши ма Юань бао ма е!)²⁴. Китайский посол вынужден уйти ни с чем, вызвав возмущение даваньских старейших (Юань гуй) своим пренебрежительным к ним отношением. В связи с этим было указано задерживать его «на восточной границе в городе Ю» (дун цзя Ючэн)²⁵ и убить. Исполнение этого приказа было поводом к организации известных походов Ли Гуан-ли 104 и 99 гг. до н. э. Характерно, что целью похода объявлялось «дойти до города Эрши и взять там шаньма», а Ли Гуан-ли уже перед походом был объявлен эршинским полководцем (Эрши цзян-цюнь)²⁶. Войска овладели городом Ю, т. е. крайним городом Давани, но не дошли до центра Давани (очевидно Эрши), название кото-

рого в данном месте текста «ван-ду» (王都)²⁷, и повернули обратно, истратив

на этот поход два года. Во время второго похода Ли Гуан-ли не задерживается у города Ю и прямо подходит к Эрши, снова названном здесь не именем, а «титолом», отводит воду от города и осаждает его. После 40 дней осады ему удается разрушить внешнюю стену (вай чэн), и он берет часть даваньских старейшин в плен. Остальные заперлись в среднем городе (чжун чэн)²⁸. Не овладев средним городом, китайские военные руководители согласились на предложенные даваньцами условия, т. е. получили «несколько десятков шаньма, затем 3000 кобылиц среднего и низшего разбора»²⁹. Политические условия перемирия нас в данном случае не интересуют.

Приведенные данные весьма интересны с двух точек зрения. Во-первых, они дают возможность высказать предположение о том, что город (или местность с городом) Эрши был центром Давани и экономически славился особой породой лошадей, изображение которых мы видим на Араванской скале, во-вторых, отождествить этот центр с конкретной местностью Ферганы.

Мы не можем не обратить внимания на совпадение китайской транскрипции полити-

ческого центра Давани—Эрши с средневековым топонимом Урешт (۱رشت . ارشت)

который Томашек локализует в Фергане около города Ош, сопоставляя местность Аришт || Риштан с аристеями Птолея³⁰. Сопоставления Томашека были приняты В. В. Бартольд³¹, который указывал, что Урешт стоял на перегоне от Кувы до Оша на Ошской (?) реке. Несколько восточнее, между Ошем и Куршабом, помещал

²² Д. Граменицкий, Заметка о древних урочищах Туркестанского края, Протоколы ТКЛА, 1898, стр. 152; ср. «Турк. Ведомости», № 12, 1879.— Характерно, что и поныне кыргызы Тянь-шаня почитают архара. Рога архара можно встретить во многих домах, с архаром связывает свое происхождение ряд кыргызов.

²³ Ши-цзи, 123, л. 14-6.

²⁴ Там же, л. 15-а.

²⁵ Там же, л. 15-6.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 16-а. Буквально «резиденция князя (архара)».

²⁸ Там же, л. 17-а.

²⁹ Там же, л. 17-6.

³⁰ W. Thom aschek, Centralasiatische Studien I, Soz. Wiss. 1877, стр. 52.

³¹ В. В. Бартольд, Туркестан, ч. II, стр. 155 и сл.

Урашт В. Минорский²². Китайская транскрипция Эрши, несомненно, вариант одного и того же названия — Урашт. С нашей точки зрения, он может быть локализован только в определенном месте, т. е. отождествлен с Мархаматскими развалинами на реке Араван, над которой и стоит скала с упомянутыми изображениями. Другого города, явно весьма крупного (как следует из описаний китайских источников), на пути между Кувой и Ошем нет, так же как нет такого города на перегоне Ош —

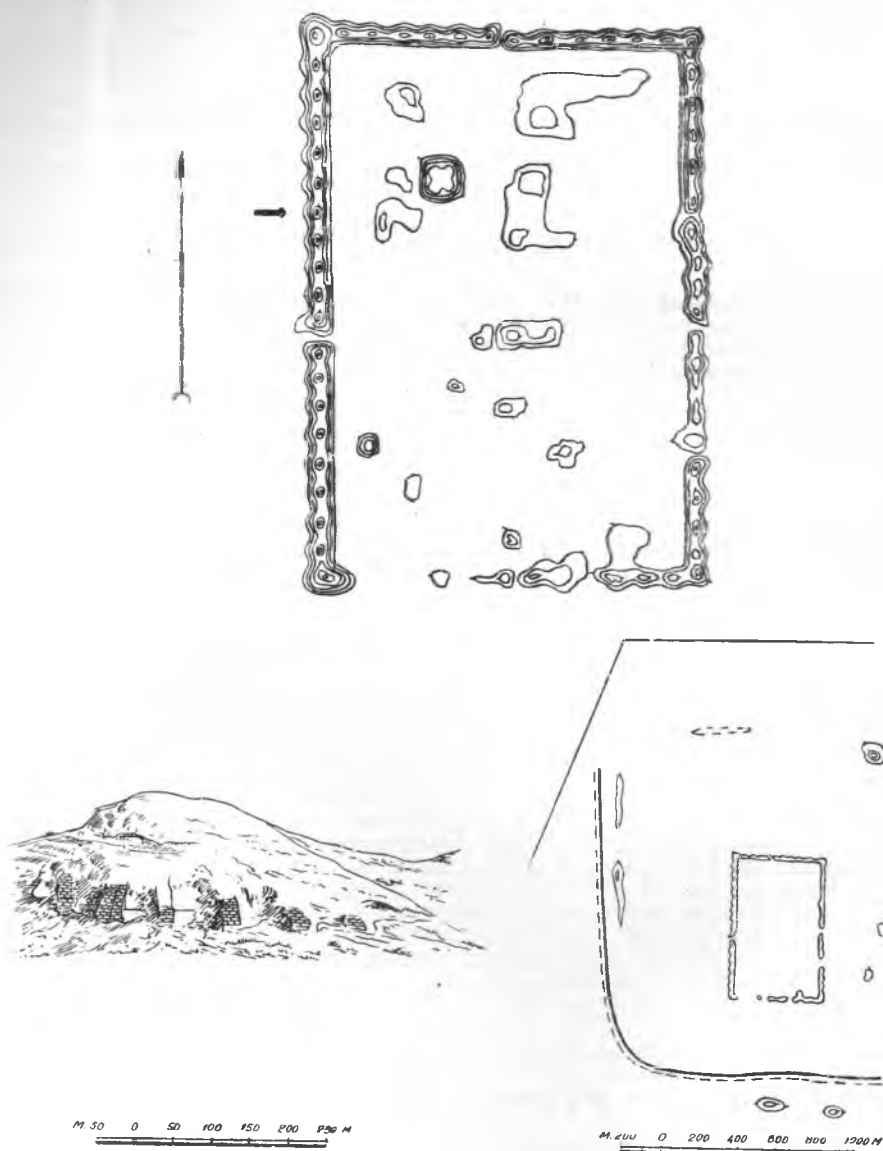

Рис. 2. Мархаматское городище Эрши (Урешит)

Куршаб. Крепость Кургажин-тепе, стоящая между Ошем и Куршабом и обследованная нами в 1946 г., значительно меньше Мархаматских руин и центром древней Давани быть не может.

Мархаматские развалины величественны. Они занимают большую площадь, имеют несколько рядов стен, окружены различного времени тепе, в том числе и древними и кушанскими. В зоне Араванской долины курганы — сако-усуньского времени (например, Тулейкинская группа по дороге Араван — Ош), а западнее Мархамата известен Кувицкий могильник даваньско-кушанского времени. Сакские комплексы из этого района обнаружены во время археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Само Мархаматское городище сохранило те

²² Hudud al-Alam, стр. 115.

основные конструктивные черты, которые позволяют видеть в нем упомянутые китайским источником «внешнюю стену» и «внутренний город», и расположено оно на берегу реки, которая этот город питала, чего нельзя сказать ни об одном из городов. в частности, о Кургажин-тепе на пути из Оша в Куршаб. Характерно, что город Ю, который мы уже в другом месте отождествили с Узгеном³³, находится на востоке Давани, на ее границе.

Таким образом, мы приходим к выводу: развалины у с. Мархамат, на берегу р. Араван являются развалинами древнего города Эрши, средневекового Урешта, центра Ферганы в даваньско-кушанский период. Тем самым отпадает совершенно произвольное в литературе отождествление Эрши с Кокандом³⁴.

Но Эрши не только политический центр древней Ферганы. Это центр разведения «добрых лошадей» — «шаньма», «драгоценных лошадей» — «баома»³⁵, и как бы свидетельством этому являются наскальные изображения Айрымачтау у с. Араван, документирующие указания китайских источников об экономическом значении Эрши.

³³ Археологические контуры Тяньшаня и Алая, Известия Кирг. филиала АН, II—III, Фрунзе, 1946.

³⁴ Отождествление, предложенное И. Бичуриным. Позднее Эрши отождествляли с Кирополем и приурочивали к Ура Тюбе, город «Ю» — с «Антиохией в Скифии». — См. по этому поводу К. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 12.

³⁵ Мы сознательно не употребляем принятый в литературе термин «аргамак» (Бичурин, Массон), так как китайцам позднее этот термин был известен и они его транскрибировали а-лу-гу-ма. — См. уйгурско-китайский словарь в труде J. Klaproth, Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren.